

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ/SOCIOLOGY OF CULTURE

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.165.36> EDN: [EBWLLV](#)

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ

Научная статья

Иванова А.Я.^{1,*}, Алексеева Н.Н.²¹ ORCID : 0000-0002-4171-1605;² ORCID : 0000-0002-1086-5863;^{1,2} Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (alyonayadmaa[at]yahoo.com)

Аннотация

Эмоциональная сфера человека представляет собой один из наиболее актуальных предметов современного междисциплинарного дискурса, привлекающий внимание психологов, антропологов, социологов и философов. Особое место в этой проблематике занимает изучение культурной обусловленности эмоциональных проявлений, которое выходит за рамки традиционного понимания эмоций как универсальных биологических феноменов.

Цель исследования заключается в систематическом анализе механизмов и особенностей влияния конфуцианской культурной традиции на проявление эмоций в восточноазиатских обществах, прежде всего в Китае.

Исследование основано на комплексе взаимодополняющих *методов гуманитарного познания*:

- историко-философском анализе канонических текстов;
- сравнительно-историческом методе;
- концептуальном анализе основных категорий конфуцианской эмоциональной теории;
- структурно-функциональном анализе механизмов трансляции философских принципов в социальные практики;
- синтетическом подходе для создания целостной теоретической модели.

Результаты исследования демонстрируют, что конфуцианское влияние на эмоциональную сферу осуществлялось через последовательные исторические этапы: раннее конфуцианство (VI–III вв. до н.э.) заложило основы эмоциональной регуляции через концепции жэнь, ли и четырех моральных чувств; классическое конфуцианство систематизировало принципы чжун-хэ; неоконфуцианство (XI–XVII вв.) создало метафизическое обоснование эмоциональной дисциплины; поздний имперский период детализировал практическую этику семейных и социальных отношений.

Выделены четыре основных механизма конфуцианского воздействия:

- формирование специфической системы эмоциональных ценностей;
- предоставление практических методов регуляции;
- интеграция эмоциональной сферы в контекст морального развития;
- культурная легитимация определенных эмоциональных паттернов.

Исследование подтверждает фундаментальную взаимосвязь между культурными традициями и эмоциональными проявлениями. Конфуцианская традиция сформировала устойчивую модель эмоционального поведения, характеризующуюся приоритетом социальной гармонии, эмоциональной сдержанностью, развитием эмпатических качеств и интеграцией эмоциональной зрелости в процесс личностного совершенствования. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением конкретных механизмов реализации выявленных закономерностей в современных социальных практиках восточноазиатских обществ.

Ключевые слова: конфуцианство, Конфуций, эмоции, культура, Восточная Азия, эмоциональная регуляция, Китай, ценности.

THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON THE EXPRESSION OF EMOTIONS

Research article

Ivanova A.Y.^{1,*}, Alekseeva N.N.²¹ ORCID : 0000-0002-4171-1605;² ORCID : 0000-0002-1086-5863;^{1,2} M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

* Corresponding author (alyonayadmaa[at]yahoo.com)

Abstract

The emotional sphere of humans is one of the most pressing topics in modern interdisciplinary discourse, attracting the attention of psychologists, anthropologists, sociologists, and philosophers. A special place in this field is occupied by the study of the cultural conditioning of emotional manifestations, which goes beyond the traditional understanding of emotions as universal biological phenomena.

The aim of the study is to systematically analyse the mechanisms and characteristics of the influence of Confucian cultural tradition on the expression of emotions in East Asian societies, primarily in China.

The research is based on a set of complementary methods of humanistic knowledge:

- historical and philosophical analysis of canonical texts;
- comparative and historical method;

- conceptual analysis of the main categories of Confucian emotional theory;
- structural and functional analysis of the mechanisms of translating philosophical principles into social practices;
- a synthetic approach to creating a holistic theoretical model.

The results of the study demonstrate that Confucianism influenced the emotional sphere through successive historical stages: early Confucianism (VI–III centuries BC) laid the foundations for emotional regulation through the concepts of jen, li, and the four moral sentiments; classical Confucianism systematised the principles of zhonghe; Neo-Confucianism (XI–XVII centuries) created a metaphysical basis for emotional discipline; the late imperial period detailed the practical ethics of family and social relations.

Four main mechanisms of Confucian influence have been identified:

- formation of a specific system of emotional values;
- provision of practical regulatory methods;
- integration of the emotional sphere into the context of moral development;
- cultural legitimisation of certain emotional patterns.

The study confirms the fundamental relationship between cultural traditions and emotional expressions. The Confucian tradition has formed a stable model of emotional behaviour characterised by a priority on social harmony, emotional restraint, the development of empathic qualities, and the integration of emotional maturity into the process of personal improvement. Prospects for further research are linked to the study of specific mechanisms for implementing the identified patterns in the contemporary social practices of East Asian societies.

Keywords: Confucianism, Confucius, emotions, culture, East Asia, emotional regulation, China, values.

Введение

Эмоциональная сфера человеческого существования представляет собой одно из наиболее интересных исследовательских полей современного академического дискурса. Психологические исследования традиционно фокусируются на когнитивных механизмах эмоциональных процессов и их нейрофизиологических основах, в то время как антропологические подходы акцентируют внимание на социокультурных детерминантах эмоционального опыта. Социологическая перспектива раскрывает роль эмоций в формировании и поддержании социальных структур, а философские изыскания обращаются к фундаментальным вопросам природы эмоционального познания. Лингвистические исследования, в свою очередь, анализируют способы концептуализации и вербализации эмоциональных состояний в различных языковых системах. Особое место в этом междисциплинарном пространстве занимает проблематика взаимосвязи эмоций и культуры, которая выходит за рамки традиционного понимания эмоций как универсальных биологических феноменов. Многочисленные эмпирические исследования убедительно демонстрируют всепроникающее влияние культурных факторов на различные аспекты человеческого функционирования. Так, работы Гирца показали, как символические системы культуры формируют способы интерпретации реальности [7], в то время как исследования Хофстеде выявили глубинные культурные измерения, определяющие поведенческие паттерны в различных обществах [8]. Трианидис и его коллеги продемонстрировали, каким образом коллективистские и индивидуалистические культурные ориентации влияют на социальное взаимодействие и самовосприятие [23]. Маркус и Китайма обнаружили культурно-специфические конструкции «я», которые различаются между западными и восточными обществами.

Учитывая столь существенное воздействие культурных переменных на когнитивные, поведенческие и социальные процессы, логично предположить, что эмоциональная сфера также подвергается культурному влиянию. Эмоциональные реакции, их интенсивность, продолжительность, социальная приемлемость и способы выражения могут существенно варьироваться в зависимости от культурного контекста, в котором формируется и функционирует индивид. Такое предположение находит поддержку в растущем корпусе исследований, указывающих на культурную обусловленность эмоциональных феноменов.

В настоящем исследовании мы сосредотачиваем внимание на конфуцианской культурной традиции, которая представляет собой одну из наиболее влиятельных и устойчивых культурных систем в истории человечества. Конфуцианство, возникшее в древнем Китае и впоследствии распространившееся по всей Восточной Азии (Япония, Корея, Вьетнам), продолжает оказывать глубокое воздействие на мировоззрение, ценности и поведение миллионов людей. Особенно значительным это влияние остается в Китае, где конфуцианские принципы пронизывают различные сферы общественной и частной жизни, несмотря на радикальные социально-политические трансформации последнего столетия. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в систематическом анализе механизмов и особенностей влияния конфуцианской культурной традиции на проявление эмоций, включая исследование специфических конфуцианских концепций эмоциональности, их воплощения в социальных практиках и их воздействия на индивидуальные эмоциональные переживания и экспрессию. Для достижения цели предполагается решение нескольких задач:

1. Определить концептуальные основы изучения эмоций в междисциплинарном контексте и выявить теоретические подходы к анализу культурной обусловленности эмоциональных проявлений.
2. Проанализировать формирование конфуцианских представлений об эмоциональной сфере в трудах основоположников традиции (Конфуций, Мэн-цзы, Сюнь-цзы) и классических текстах раннего периода.
3. Исследовать развитие конфуцианской эмоциональной теории в период неконфуцианского синтеза и выявить специфику подходов различных философских школ (ли-сюэ, синь-сюэ).
4. Рассмотреть практическую реализацию конфуцианских принципов эмоциональной регуляции в контексте семейной этики и социальных отношений позднего имперского периода.
5. Выделить основные механизмы конфуцианского влияния на эмоциональную культуру и определить их устойчивость в современных восточноазиатских обществах.

6. Разработать концептуальную схему влияния конфуцианства на проявление эмоций, отражающую системный характер этого воздействия.

Методы

Понятие эмоции в современной научной литературе характеризуется множественностью дефиниций, отражающих сложность и многомерность данного феномена. В наиболее общем виде эмоции определяются как кратковременные, интенсивные психофизиологические состояния, возникающие в ответ на значимые для индивида события и включающие субъективные переживания, физиологические изменения, экспрессивное поведение и тенденции к действию [19]. Данное определение позволяет учесть как универсальные, так и культурно-специфические аспекты эмоциональных процессов.

Теоретическим фундаментом настоящего исследования служат несколько взаимодополняющих направлений в изучении эмоций. Когнитивно-оценочные теории (Лазарус, Арнольд, Шерер) предоставляют концептуальную основу для понимания роли когнитивных процессов в формировании эмоциональных реакций. Социально-конструктивистские подходы (Аверилл, Харре, Луц) акцентируют внимание на социальной природе эмоций и их укорененности в культурных системах значений. Культурно-психологические исследования (Китайма, Маркус, Месквита) раскрывают механизмы культурного формирования эмоциональных паттернов и их связь с более широкими культурными ценностями и практиками [2], [10], [14]. Существующий корпус эмпирических исследований демонстрирует значительные различия в эмоциональных проявлениях между представителями азиатских и западных культур, особенно в контексте сравнительного анализа китайских, японских и европейско-американских выборов. Исследования выявляют культурно-специфические паттерны эмоциональной экспрессии, различия в восприятии социальной приемлемости определенных эмоций, а также вариации в стратегиях эмоциональной регуляции [17], [20]. Особое внимание исследователей привлекают различия в выражении позитивных и негативных эмоций, роль коллективистских ценностей в подавлении индивидуальных эмоциональных проявлений, а также специфика эмоциональной социализации в семейном и образовательном контексте [18], [26].

Вместе с тем, несмотря на растущий интерес к культурным аспектам анализируемой проблемы, существует исследовательский пробел в изучении специфического влияния конфуцианского мировоззрения на эмоциональные проявления. Большинство существующих работ фокусируется на общих культурных различиях между Востоком и Западом, в них отсутствует углубление в анализ конкретных философско-этических традиций, которые могли бы объяснить наблюдаемые особенности. Немногочисленные исследования, непосредственно обращающиеся к конфуцианским основам эмоциональной культуры [5], [15], носят скорее фрагментарный характер и не предоставляют систематического анализа механизмов влияния конфуцианских принципов на эмоциональную сферу. Данное обстоятельство определяет научную новизну настоящего исследования, которое стремится восполнить указанный пробел посредством комплексного анализа взаимосвязи между конфуцианскими культурными установками и особенностями эмоциональных проявлений.

В настоящем исследовании применялся комплекс взаимодополняющих методов гуманитарного познания. Основным методологическим подходом выступал историко-философский анализ, позволивший проследить эволюцию конфуцианских представлений об эмоциональной сфере от VI века до н.э. до современности через систематическое изучение канонических текстов и философских трактатов различных периодов. Сравнительно-исторический метод использовался для выявления специфических особенностей различных этапов развития конфуцианской традиции и сопоставления подходов ключевых мыслителей. Концептуальный анализ применялся для выделения и систематизации основных категорий конфуцианской эмоциональной теории, их семантического содержания и функциональной роли в общей философской системе. Метод структурно-функционального анализа позволил выявить механизмы трансляции философских принципов в конкретные практики эмоциональной регуляции и определить их социальные функции, а синтетический подход обеспечил интеграцию полученных результатов в целостную теоретическую модель конфуцианского влияния на эмоциональную культуру восточноазиатских обществ.

Результаты и достижения

Формирование конфуцианского подхода к эмоциональной сфере берет свое начало в текстах раннего конфуцианства, где закладывались основополагающие принципы понимания человеческой природы и места эмоций в структуре идеального общества. Конфуций (551–479 до н.э.) в своих «Лунь юй» (論語, «Беседы и суждения») не предлагал систематической теории эмоций, однако его высказывания содержали философские интуиции относительно эмоциональной регуляции, которые впоследствии стали основой для развернутых теоретических построений. Центральная для конфуцианской антропологии концепция жэнь (仁) — человеколюбия, гуманности — изначально предполагала не только, хотя и прежде всего, этическое отношение к другим людям, но и, в дополнение к этому, специфический способ эмоционального реагирования, основанный на сдержанности, взвешенности и социальной ответственности [1]. В «Лунь Юй» 15:18 Конфуций формулирует принцип: «Благородный муж печалится о своей неспособности, а не о том, что люди не знают его» (不患人之不己知, 患不知人也) [12], что закладывает основу для понимания эмоций как явлений, требующих морального осмысления и социального контекста. Эмоциональная сдержанность, таким образом, становится не подавлением чувств, а их трансформацией в соответствии с требованиями социальной гармонии и личного совершенствования.

Особое значение в раннем конфуцианстве приобретает концепция ли (禮) — ритуальной благопристойности, которая непосредственно регулировала эмоциональные проявления в социальном контексте. Ритуал, или церемония, по Конфуцию, служил не формальным ограничением, а способом культивирования надлежащих эмоциональных состояний, позволяющих индивиду гармонично встраиваться в социальную ткань. Конфуций в «Лунь юй»

подчеркивает: «Кто не признает церемоний, тому неоткуда приобрести прочные устои» (不知礼, 无以立也) [12, С. 420], тем самым устанавливая ритуальную компетентность в качестве необходимого условия социального функционирования. Также в «Луньюй» 12:1 подчеркивается, что «Победить себя и возвратиться к церемониям значит стать гуманистом (человеколюбивым)» [12, С. 233], что указывает на необходимость эмоциональной саморегуляции как пути к истинной человечности. Конфуций выделял четыре основных эмоциональных состояния, требующих особого внимания: радость (лэ), гнев (ну), печаль (ай) и страх (цзю), каждое из которых должно проявляться в соответствии с контекстуальными требованиями и не нарушать социального порядка [1]. Систематизация конфуцианских представлений об эмоциональной регуляции представлена ниже (табл. 1).

Таблица 1 - Эмоциональные состояния в раннем конфуцианстве

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.165.36.1>

Эмоция	Иероглиф	Социальный контекст	Способ регуляции	Желательное проявление
Радость	樂 (лэ)	Успех, достижения	Умеренность	Сдержанная удовлетворенность
Гнев	怒 (ну)	Несправедливость	Преобразование в решимость	Конструктивное действие
Печаль	哀 (ай)	Утрата, неудача	Принятие и извлечение урока	Достойное переживание
Страх	懼 (цзю)	Неопределенность	Подготовка и мудрость	Осмотрительность

Дополнительно к представленным типам эмоций ученики Конфуция (как непосредственные, а также во втором и третьем поколениях — Цзэн-цзы, Янь Юань и др.) отнесли и другие эмоциональные состояния. Так, в «Ли цзи» (禮記 «Книге обрядов»), одном из классических конфуцианских произведений, выражено следующее: «Каковы чувства [цин] людей? Это радость, гнев, печаль, страх, любовь, неприязнь и симпатия. Эти семь чувств присущи людям независимо от того, знают ли они о них» [16].

Развитие конфуцианской эмоциональной теории получило существенное углубление в трудах Мэн-цзы (372–289 до н.э.), который в своем основополагающем произведении «Мэн-цзы» ввел концепцию врожденных нравственных чувств, или начал человеческой природы (сылин). Согласно Мэн-цзы, человек от природы обладает четырьмя основными моральными эмоциями (табл. 2) [13].

Таблица 2 - Четыре начала человеческой природы по Мэнцзы

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.165.36.2>

Эмоциональное начало	Китайский термин	Соответствующая добродетель	Социальная функция
Сочувствие, сострадание	惻隱之心 (цэинь чжи синь)	Человеколюбие (仁, жэнь)	Основа социальной солидарности
Стыд, негодование	羞惡之心 (сю-э чжи синь)	Справедливость (义, и)	Механизм социального контроля
Уступчивость, скромность	辭讓之心 (цыжан чжи синь)	Ритуальность (禮, ли)	Поддержание иерархии
Различение правильного	是非之心 (шифэй чжи синь)	Мудрость (智, чжи)	Моральная ориентация

Эти эмоции рассматривались не как препятствия для морального развития, но как его естественные основания, требующие культивирования и развития.

Принципиально иной подход к эмоциональной природе человека предложил Сюнь-цзы (313–238 до н.э.) в трактате «Сюнь-цзы», где он развивал концепцию изначально порочной человеческой природы (син э), первые строки произведения таковы: «Человек по своей природе зол, его добродетельность порождается [практической] деятельностью» [21, С. 305]. В отличие от оптимистической антропологии Мэн-цзы, Сюнь-цзы рассматривал эмоции как потенциально деструктивные силы, требующие строгого контроля и преобразования посредством образования и ритуальной практики. Согласно его учению, необработанные эмоции ведут к хаосу и конфликтам, поэтому основная задача морального развития заключается в их трансформации через ритуал (ли) и образование (сюэ). Сюнь-цзы формулировал принцип эмоциональной дисциплины следующим образом: естественные эмоции должны быть не подавлены, а преобразованы в соответствии с социальными требованиями и этическими нормами, что достигается

через постоянную практику самосовершенствования. Тем не менее, его подход к эмоциональной регуляции был более рестриктивным.

Канонический текст «Чжунъюн» («Учение о середине»), традиционно приписываемый Цзы Сы, внуку Конфуция, вводит фундаментальное различие между эмоциональными состояниями до их проявления (вэйфа) и после проявления (ифа). Согласно этому учению, состояние до проявления эмоций характеризуется как чжун (中) — середина или центрированность, в то время как правильное проявление эмоций определяется как хэ (和) — гармония. Текст провозглашает: «Когда веселье, гнев, печаль и радость еще не разошлись, зовется это серединой. Когда ж расходятся они по ритмам пульса середины, гармонией зовется это» 喜怒哀樂之未發，謂之中。發而皆中節，謂之和 [22, С. 106]. Данная концептуализация устанавливает не только желательность эмоционального равновесия, но и возможность его достижения через практику внутреннего совершенствования.

Институционализация конфуцианства в эпоху Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) привела к систематизации эмоциональных концепций в рамках космологических построений. Дун Чжуншу (179–104 до н.э.) в «Чуньцю фаньлу» («Обильная роса летописи «Чуньцю»») разработал теорию соответствия между человеческими эмоциями и космическими процессами, основанную на концепции «инь-ян». Согласно этой системе, эмоциональные состояния человека должны гармонизировать с природными циклами: «Весна выражает любовь; лето выражает радость; осень выражает строгость; зима выражает скорбь...» [3, С. 441].

Переходный период между ранним конфуцианством и неоконфуцианством характеризовался активным взаимодействием конфуцианской традиции с буддийскими и даосскими концепциями, что привело к значительному усложнению и обогащению конфуцианского понимания различных сторон человеческой жизни, в том числе и эмоциональной сферы. Подлинный же синтез конфуцианской, буддийской и даосской традиций в области понимания эмоций произошел в эпоху неоконфуцианства (960–1644 гг.).

Чжоу Дуньи (周敦頤, 1017–1073) в трактате «Тай цзи ту шо» (太極圖說, «Объяснение схемы Великого предела») представил космологическую модель, в которой эмоции рассматривались как проявления космических принципов. Его концепция «покоя в движении» (動中靜, дун чжун цзин) предлагала новый подход к эмоциональной регуляции, основанный на достижении внутренней неподвижности при внешней активности. Братья Чэн — Чэн Хао (程顥, 1032–1085) и Чэн И (程頤, 1033–1107) — разработали влиятельную теорию «единства природы и чувств» (性情合一, син цин хэ и). Чэн Хао в своих «Записках о постижении человечности» (識仁篇, ши жэнь пянь) утверждал, что подлинная человечность (仁, жэнь) проявляется через способность резонировать с чувствами других существ, при этом сохраняя внутреннюю уравновешенность. Данный подход представлял собой существенный отход от более ригидных форм эмоциональной регуляции раннего конфуцианства.

Наибольший же вклад внес Чжу Си (1130–1200), выдающийся представитель школы ли-сюэ (учения о принципе), в своих комментариях к классическим текстам и в работе «Чжуцзы юйлэй» («Беседы Учителя Чжу, записанные по разделам») он разработал сложную метафизическую систему, объясняющую природу эмоций через взаимодействие ли (принципа) и ци (материальной силы) [6]. Согласно Чжу Си, эмоции возникают как результат движения ци под воздействием внешних стимулов, но их моральная оценка зависит от степени соответствия изначальному принципу человеческой природы. Он различал изначальную природу (бэньжань чжи син), которая является чистой и совершенной, и физическую природу (цичжи чжи син), которая может быть затемнена материальными ограничениями и приводить к неправильным эмоциональным реакциям.

Концептуальная структура неоконфуцианского понимания эмоций может быть представлена следующим перечнем основных принципов, развитых Чжу Си и его последователями: во-первых, эмоции рассматриваются как естественные проявления человеческой природы, но требующие морального руководства; во-вторых, различаются эмоции, соответствующие изначальной природе человека, и эмоции, искаженные материальными ограничениями; в-третьих, достижение эмоциональной гармонии возможно через практику самосовершенствования и изучение принципов; в-четвертых, эмоциональное состояние индивида напрямую связано с его способностью к пониманию космического порядка; в-пятых, социальная ответственность требует контроля над эмоциональными проявлениями в интересах общественной гармонии.

Альтернативную интерпретацию эмоциональной природы предложил Ван Янмин (1472–1529), основатель школы синь-сюэ (учения о сердце-разуме), который в своих «Чуаньси лу» («Записки наставлений и бесед») развивал концепцию единства знания и действия (чжисин хэи) [9]. В отличие от интеллектуального подхода Чжу Си, Ван Янмин подчеркивал непосредственность морального знания, которое включает в себя и эмоциональный компонент. Согласно его учению, истинное знание всегда сопровождается соответствующими эмоциональными состояниями: знание добра порождает любовь к нему, а знание зла — отвращение к нему. Эмоции, таким образом, не являются препятствием для морального познания, но представляют собой его неотъемлемую составляющую.

Особое развитие конфуцианские представления об эмоциональной регуляции получили в период позднего имперского Китая (XIV–XIX вв.), когда практическая этика семейной жизни и социальных отношений стала предметом систематической разработки. Тексты этого периода, такие как «Сяосюэ» («Малое учение») Чжу Си и многочисленные семейные наставления (цзяпу), детально регламентировали эмоциональные проявления в различных социальных контекстах [4]. Концепция сяо (孝) — сыновней почтительности — становится центральной для понимания эмоциональных обязательств в семейных отношениях, предписывая не только внешнее послушание, но и внутреннее эмоциональное состояние, характеризующееся любовью, заботой и уважением к родителям и предкам. Конфуцианская регуляция эмоций в семейном контексте основывалась на следующих принципах, которые получили

особенно детальную разработку в период Мин и Цин: культивирование эмоциональной близости между поколениями при сохранении иерархических отношений; подавление эгоистических эмоциональных импульсов в пользу семейного благополучия; развитие эмпатии и заботы как основы межпоколенческих связей; формирование чувства ответственности перед предками и потомками; практика эмоционального самоконтроля как проявления морального совершенства; воспитание способности к эмоциональному жертвоприношению во имя семейной гармонии.

Трансформация конфуцианских представлений об эмоциональности в современный период характеризуется адаптацией традиционных принципов к изменившимся социальным условиям. Несмотря на политические и культурные изменения XX века, основные конфуцианские установки относительно эмоциональной регуляции сохраняют свою значимость в современных восточноазиатских обществах, хотя и в модифицированном виде. Современные исследования демонстрируют устойчивость таких характеристик эмоциональной культуры, как предпочтение эмоциональной сдержанности, акцент на социальной гармонии при выражении эмоций, развитие способности к эмоциональному самоконтролю и приоритизация коллективного благополучия над индивидуальным эмоциональным самовыражением [24], [26].

Системный анализ исторического развития конфуцианского влияния на эмоциональную сферу позволяет выделить несколько механизмов этого воздействия, которые сохраняют свою актуальность на протяжении более чем двух тысячелетий:

1. Во-первых, конфуцианство формирует специфическую систему эмоциональных ценностей, в которой сдержанность, гармония и социальная ответственность преобладают над спонтанностью и индивидуальным самовыражением.

2. Во-вторых, конфуцианская традиция предоставляет детально разработанные практические методы эмоциональной регуляции, включающие ритуальные формы, медитативные техники и этические упражнения.

3. В-третьих, конфуцианство интегрирует эмоциональную сферу в более широкий контекст морального и социального развития, рассматривая эмоциональную зрелость как необходимое условие человеческого совершенствования.

4. В-четвертых, конфуцианская традиция обеспечивает культурную легитимацию определенных эмоциональных паттернов через систему образования, семейного воспитания и социальных институтов.

Содержательная схема влияния конфуцианства на проявление эмоций может быть концептуализирована через выделение основных уровней и механизмов воздействия, представленных в виде структурированной модели (рис. 1).

Рисунок 1 - Схематическое отображение влияния конфуцианства на проявление эмоций представителей восточноазиатских стран

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.165.36.3>

Данная схема демонстрирует системный характер конфуцианского влияния на эмоциональную сферу, которое осуществляется через последовательную трансмиссию философских принципов в конкретные практики эмоциональной регуляции, формируя устойчивую культурную модель эмоционального поведения, характеризующуюся приоритетом социальной гармонии над индивидуальным самовыражением, культивированием эмпатических качеств и развитием способности к эмоциональному самоконтролю в служении коллективному благополучию.

Заключение

Проведенное исследование убедительно исходное предположение о взаимосвязи между культурными традициями и эмоциональными проявлениями человека. Детальный анализ исторического развития конфуцианской мысли от ее истоков в VI веке до н.э. до современности демонстрирует, что философско-этическая система Конфуция и его последователей оказала глубокое и устойчивое воздействие на формирование специфической модели эмоционального поведения в восточноазиатских обществах. Конфуцианское мировоззрение, пройдя через различные этапы исторического развития — от раннего конфуцианства через неоконфуцианский синтез к практической этике позднего имперского периода — сформировало целостную систему эмоциональной регуляции, основанную на принципах жэнь

(человеколюбия), ли (ритуальной благопристойности), сяо (сыновней почительности) и чжун-хэ (центрированности и гармонии). Влияние конфуцианской традиции на эмоциональную культуру Китая и других восточноазиатских стран проявляется в устойчивых паттернах эмоционального поведения, которые характеризуются приоритетом социальной гармонии над индивидуальным самовыражением, культивированием эмоциональной сдержанности и самоконтроля, развитием эмпатических качеств в рамках иерархических отношений, а также интеграцией эмоциональной зрелости в общий процесс морального совершенствования личности. Эти характеристики, сформировавшиеся в результате более чем двухтысячелетнего культурного воздействия, продолжают определять особенности эмоциональных проявлений современных представителей восточноазиатских обществ, несмотря на радикальные социально-политические трансформации последнего столетия.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики связаны с изучением конкретных механизмов реализации выявленных закономерностей в повседневных социальных практиках – семейном воспитании, образовательных процессах, профессиональном взаимодействии, межличностных отношениях, ритуалах в современных восточноазиатских обществах. Особый интерес представляет исследование того, каким образом традиционные конфуцианские принципы эмоциональной регуляции адаптируются к условиям глобализации и модернизации, сохраняя при этом свою культурную специфику и функциональную значимость.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Ames R.T. Thinking from the Han Self: Truth and Transcendence in Chinese and Western Culture / R.T. Ames, H. Rosemont. — Albany: SUNY Press, 1998. — 392 p.
2. Averill J.R. A constructivist view of emotion / J.R. Averill // *Emotion: Theory, Research, and Experience*. Vol. 1: Theories of Emotion / Ed. by R. Plutchik, H. Kellerman. — New York: Academic Press, 1980. — P. 305–339.
3. 董仲舒. 春秋繁露 / 董仲舒. — 济南: 齐鲁书社, 2000.
4. Ebrey P.B. Confucianism and Family Rituals in Imperial China: A Social History of Writing about Rites / P.B. Ebrey. — Princeton: Princeton University Press, 1991. — 304 p.
5. Fu Ching-Sheue. What are emotions in Chinese Confucianism / Fu Ching-Sheue // *Linguistics, Culture & Education*. — 2012. — № 1. — P. 45–62.
6. Gardner D.K. Learning to Be a Sage: Selections from the Conversations of Master Chu, Arranged Topically / D.K. Gardner. — Berkeley: University of California Press, 1990. — 368 p.
7. Гирц К. Интерпретация культуры / К. Гирц. — Москва: РОССПЭН, 2004. — 560 с.
8. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations / G. Hofstede. — Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. — 616 p.
9. Ivanhoe P.J. Ethics in the Confucian Tradition: The Thought of Mengzi and Wang Yangming / P.J. Ivanhoe. — Indianapolis: Hackett Publishing, 2002. — 144 p.
10. Emotion and Culture: Empirical Studies of Mutual Influence / ed. by S. Kitayama, H.R. Markus. — Washington, DC: American Psychological Association, 1994. — 365 p.
11. Knoblock J. Xunzi: A Translation and Study of the Complete Works / J. Knoblock. — Stanford: Stanford University Press, 1988. — 1536 p.
12. Конфуций. Беседы и суждения (Лунь юй) / Конфуций; пер. и коммент. М.Л. Титаренко. — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2020. — 432 с.
13. Mencius / Trans. by D.C. Lau. — Hong Kong: Chinese University Press, 2003. — 398 p.
14. Lazarus R.S. Emotion and Adaptation / R.S. Lazarus. — New York: Oxford University Press, 1991. — 557 p.
15. Ли В. Эмоциональное мышление в древнекитайской философии / В. Ли // *Manuskript*. — 2019. — Т. 12. — № 3. — С. 84–88.
16. Ли цзи / Пер., коммент. и исслед. А.И. Кобзева. — Москва: Ладомир, 2010. — 690 с.
17. Matsumoto D. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism / D. Matsumoto, S.H. Yoo, J. Fontaine [et al.] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2008. — Vol. 39. — № 1. — P. 55–74.
18. Park J. Social status and anger expression: The cultural moderation hypothesis / J. Park, S. Kitayama, H.R. Markus [et al.] // *Emotion*. — 2013. — Vol. 13. — № 6. — P. 1122–1131.
19. Scherer K.R. What are emotions? And how can they be measured? / K.R. Scherer // *Social Science Information*. — 2005. — Vol. 44. — № 4. — P. 695–729.
20. Soto J.A. Is expressive suppression always associated with poorer psychological functioning? A cross-cultural comparison between European Americans and Hong Kong Chinese / J.A. Soto, C.R. Perez, Y.H. Kim [et al.] // *Emotion*. — 2011. — Vol. 11. — № 6. — P. 1450–1455.

21. Сюнь-цзы. О злой природе человека / Сюнь-цзы // *Философские трактаты Сюнь-цзы* / В.Ф. Феоктистов. — Москва, 2005.
22. Терехова Н.В. Символ-хронотоп «чжун (中)» в китайской философской традиции / Н.В. Терехова // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. — 2012. — № 4. — С. 103–109.
23. Triandis H.C. Individualism–collectivism and personality / H.C. Triandis // *Journal of Personality*. — 2001. — Vol. 69. — № 6. — P. 907–924.
24. Tsai J.L. Influence and adjustment goals: Sources of cultural differences in ideal affect / J.L. Tsai, F.F. Miao, E. Seppala [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2007. — Vol. 92. — № 6. — P. 1102–1137.
25. Tu W.M. Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini-Dragons / W.M. Tu. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. — 352 p.
26. Wei M. Suppression and interpersonal harmony: A cross-cultural comparison between Chinese and European Americans / M. Wei, J.C. Su, S. Carrera [et al.] // *Journal of Counseling Psychology*. — 2013. — Vol. 60. — № 4. — P. 625–633.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ames R.T. Thinking from the Han Self: Truth and Transcendence in Chinese and Western Culture / R.T. Ames, H. Rosemont. — Albany: SUNY Press, 1998. — 392 p.
2. Averill J.R. A constructivist view of emotion / J.R. Averill // *Emotion: Theory, Research, and Experience*. Vol. 1: Theories of Emotion / Ed. by R. Plutchik, H. Kellerman. — New York: Academic Press, 1980. — P. 305–339.
3. Dong Zhongshu. Chunqiu fanlu [Luxuriant Dew of the Spring and Autumn Annals] / Dong Zhongshu. — Jinan: Qilu shushe [Qilu Press], 2000. [in Chinese]
4. Ebrey P.B. Confucianism and Family Rituals in Imperial China: A Social History of Writing about Rites / P.B. Ebrey. — Princeton: Princeton University Press, 1991. — 304 p.
5. Fu Ching-Sheue. What are emotions in Chinese Confucianism / Fu Ching-Sheue // *Linguistics, Culture & Education*. — 2012. — № 1. — P. 45–62.
6. Gardner D.K. Learning to Be a Sage: Selections from the Conversations of Master Chu, Arranged Topically / D.K. Gardner. — Berkeley: University of California Press, 1990. — 368 p.
7. Girc K. Interpretaciya kul'tur [The Interpretation of Cultures] / K. Geertz. — Moscow: ROSSPEN, 2004. — 560 p. [in Russian]
8. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations / G. Hofstede. — Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. — 616 p.
9. Ivanhoe P.J. Ethics in the Confucian Tradition: The Thought of Mengzi and Wang Yangming / P.J. Ivanhoe. — Indianapolis: Hackett Publishing, 2002. — 144 p.
10. Emotion and Culture: Empirical Studies of Mutual Influence / ed. by S. Kitayama, H.R. Markus. — Washington, DC: American Psychological Association, 1994. — 365 p.
11. Knoblock J. Xunzi: A Translation and Study of the Complete Works / J. Knoblock. — Stanford: Stanford University Press, 1988. — 1536 p.
12. Konfucij. Besedy i suzhdeniya (Lun' yuj) [Confucius. Analects (Lun Yu)] / Confucius; transl. and comm. by M.L. Titarenko. — Saint Petersburg: SZKEO, 2020. — 432 p. [in Russian]
13. Mencius / Trans. by D.C. Lau. — Hong Kong: Chinese University Press, 2003. — 398 p.
14. Lazarus R.S. Emotion and Adaptation / R.S. Lazarus. — New York: Oxford University Press, 1991. — 557 p.
15. Li V. Emocional'noe myshlenie v drevnekitajskoj filosofii [Emotional Thinking in Ancient Chinese Philosophy] / V. Li // *Manuskript*. — 2019. — Vol. 12. — № 3. — P. 84–88. [in Russian]
16. Li ji [The Book of Rites] / Transl., comm. and research by A.I. Kobzev. — Moscow: Ladomir, 2010. — 690 p. [in Russian]
17. Matsumoto D. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism / D. Matsumoto, S.H. Yoo, J. Fontaine [et al.] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2008. — Vol. 39. — № 1. — P. 55–74.
18. Park J. Social status and anger expression: The cultural moderation hypothesis / J. Park, S. Kitayama, H.R. Markus [et al.] // *Emotion*. — 2013. — Vol. 13. — № 6. — P. 1122–1131.
19. Scherer K.R. What are emotions? And how can they be measured? / K.R. Scherer // *Social Science Information*. — 2005. — Vol. 44. — № 4. — P. 695–729.
20. Soto J.A. Is expressive suppression always associated with poorer psychological functioning? A cross-cultural comparison between European Americans and Hong Kong Chinese / J.A. Soto, C.R. Perez, Y.H. Kim [et al.] // *Emotion*. — 2011. — Vol. 11. — № 6. — P. 1450–1455.
21. Syun'-czy. O zloj prirode cheloveka [Xunzi. On the Evil Nature of Man] / Xunzi // *Filosofskie traktaty Syun'-czy [Philosophical Treatises of Xunzi]* / V.F. Feoktistov. — Moscow, 2005. [in Russian]
22. Terekhova N.V. Simvol-hronotop "chzhun (zhong 中)" v kitajskoj filosofskoj tradicii [The Symbol-Chronotope "Zhong (中)" in the Chinese Philosophical Tradition] / N.V. Terekhova // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]*. — 2012. — № 4. — P. 103–109. [in Russian]
23. Triandis H.C. Individualism–collectivism and personality / H.C. Triandis // *Journal of Personality*. — 2001. — Vol. 69. — № 6. — P. 907–924.

24. Tsai J.L. Influence and adjustment goals: Sources of cultural differences in ideal affect / J.L. Tsai, F.F. Miao, E. Seppala [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2007. — Vol. 92. — № 6. — P. 1102–1137.
25. Tu W.M. Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini-Dragons / W.M. Tu. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. — 352 p.
26. Wei M. Suppression and interpersonal harmony: A cross-cultural comparison between Chinese and European Americans / M. Wei, J.C. Su, S. Carrera [et al.] // *Journal of Counseling Psychology*. — 2013. — Vol. 60. — № 4. — P. 625–633.